

"Кнуты и пряники" новой экономической доктрины

Сегодня и Правительство России, и представители бизнеса, и широкая общественность обеспокоены состоянием российской экономики, которое может быть охарактеризовано как стагнация и даже переход в рецессию. В чем причина такого положения? Почему при всех наших преимуществах страна не может возобновить экономический рост? На эти вопросы отвечает доктор экономических наук, директор петербургского Института нового индустриального развития (ИНИР), член научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации РФ **Сергей Бодрунов**

Сергей Бодрунов: Здесь лично моя позиция, равно как и нашего Института, однозначна — это глубокая деиндустриализация. Ее сегодняшнее состояние — следствие двух ударов: первый был нанесен в 90-е годы из-за развала Советского Союза, второй — в 2000-х по причине нерасчетливой экономической политики, приведшей нас в «ловушку средних доходов». Ее продолжение, особенно в условиях предстоящего длительного периода воздействия неблагоприятных внешних факторов, становится крайне опасным и повышает риск дезинтеграции страны. Еще до известных украинских событий и введения санкций против России Президент Владимир Путин констатировал, что ныне действующая экономическая модель, основанная на экспорте углеводородов (со всеми вытекающими решениями в сфере кредитно-денежной, промышленной, социальной и так далее политики), себя полностью исчерпала. Еще более актуальны эти слова в нынешней ситуации. Таким образом, перед политическими властями и экономическим сообществом все возрастающе актуализируется задача поиска уже не просто новой модели роста, а, следует сказать шире, — новой экономической доктрины России. И все более превалирующей становится идея необходимости возврата к парадигме приоритетного развития промышленности, особенно ее высокотехнологичного сектора. Механизмом решения задачи должна стать реиндустриализация на основе пятого, с элементами шестого, технологического уклада. При этом «новая индустриализация» возможна только в модернизированной институциональной среде, поощряющей создание продукта и развитие производства, лояльной к индустрии и бизнесу.

РФС: *Сергей Дмитриевич, в связи с этим возникает вопрос: какая нужна модернизации, на базе какой идеи?*

Сергей Бодрунов: Здесь следует учитывать одно важное обстоятельство — основная конкуренция в будущем развернется на экономико-технологическом направлении и в борьбе за человеческий капитал, способный ее обеспечивать. ***Высокотехнологичное конкурентное производство, экономика знаний с выходом на понятие «экономики счастья», социокультуру, духовное развитие и тому подобное — вот базовые посылы для формирования концепции реиндустриализации и модернизации экономики страны в ближайшие десятилетия.***

Эти вопросы стоят в центре внимания научной общественности, политиков России. В марте прошлого года вопрос с такой повесткой был подробно рассмотрен научно-экспертным советом при Председателе Совета Федерации РФ. Выступая на заседании, Валентина Матвиенко подчеркнула, что реиндустриализация экономики стоит в числе первоочередных задач государства и что экспертному сообществу необходимо определить главные направления ее решения.

В связи с этим следует отметить, что принципиальная составляющая механизма повышения конкурентоспособности экономики и в первую очередь промышленности — производительность труда. Анализ показывает, что на протяжении новой истории России характерен ее низкий рост, практическое отсутствие механизмов его стимулирования при постоянном декларировании крайней актуальности задачи. По итогам прошлого года валовой внутренний продукт страны составил 3,7 триллиона долларов США (второе место в Европе после Германии, шестое — в мире). В то же время по ВВП на душу населения России занимает 56-е место в мире — это уровень Хорватии, Малайзии.

Этот факт — прямое следствие серьезного отставания в повышении производительности труда. В списке Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по нему у нас предпоследнее место (последнее у Мексики): один час работы в РФ вносит вклад в ВВП в размере 24 долларов, что в 2,2 раза меньше, чем в ЕС, в 2,5 раза меньше, чем в США, и в 3,5 раза меньше, чем у Норвегии (лидера списка). К тому же фактические показатели роста производительности труда в отечественной экономике непрерывно снижаются: за 2012 год — 3,1 процента, за 2013-й — 1,6, прогноз Минэкономразвития на нынешний год — 1,1 процента.

Данные цифры подтверждают взаимозависимость категорий: низкая квалификация персонала, отсталые технологии — избыточный персонал — низкая производительность труда. Если к этому прибавить рост заработной платы вследствие монетарной «накачки» экономики через резкое повышение доходов непродуцированной (бюджетной и тому подобное) сферы начиная с начала «нулевых» годов по настоящее время, непропорциональный по отношению к производительности труда, то мы получаем чрезмерно высокую и постоянно возрастающую долю трудовых затрат в стоимости произведенного российского продукта. Отсюда низкая рентабельность производства и невысокое качество продукции, ее усиливающаяся неконкурентоспособность, перманентное сужение рынков сбыта (при этом ситуация мультиплицируется в связи с нашим вступлением в ВТО).

***РФС:** Далее мы, наверное, можем создать следующую последовательность: все возрастающее недофинансирование реновации производства и продуктового ряда — ухудшение качества промышленных активов — снижение инвестиционной привлекательности промактивов... Что же делать в такой ситуации?*

Сергей Бодрунов: Разрыв этой негативной цепи возможен только при обеспечении постоянного роста производительности труда. Владимир Путин на Петербургском международном экономическом форуме-2014 заметил: низкие темпы прироста производительности труда ускоряют отставание России от индустриально развитых стран. Это означает консервацию экономики, сохранение ее «перекошенной» структуры и предопределяет невозможность ее развития темпами, необходимыми в XXI веке для обеспечения достойной страновой конкуренции с экономическими лидерами.

Причины низкой эффективности отечественной индустрии достаточно известны — устаревшие технологии, архаичные методы управления производством и организации труда, избыточный персонал и так далее.

Очевидно, модернизация технологий и организации промышленности сопряжены с вопросами роста производительности труда. Правительство предлагает разные механизмы этого. В частности, Минэкономразвития в рамках проекта Плана мероприятий по повышению производительности труда в промышленности намерено реализовать политику «кнута и пряника» — экономического принуждения предприятий к модернизации (путем введения НДС, «экологических» тарифов и нормативов и прочее) вкупе с мерами стимулирования технологической модернизации за счет снижения стоимости кредита для промышленности, поощрением трудовой миграции и другое.

В свою очередь, министр Минпромторга Денис Мантуров нынешней весной озвучил заслуживающую одобрения идею создания фонда поддержки промышленности для

кредитования техперевооружения предприятий с капиталом 30-50 миллиардов рублей, предоставления кредитов по ставке не выше 5 процентов годовых на срок до 15 лет под обеспечение модернизируемых или создаваемых промышленных объектов, налоговых каникул, упрощения выдачи госгарантий.

Планируемый результат от реализации упомянутых мер, как посчитал министр экономики Алексей Улюкаев, — «рост в комплексе обрабатывающих производств на 77 процентов, в машиностроении — на 90 процентов».

При этом нельзя не обратить внимания на сопряженность проблем роста производительности труда и безработицы. Сегодня в России последний показатель существенно ниже, чем в ЕС (прогноз МЭР на текущий год 5,7 процента, в Европе (данные на апрель 2014 года) — 10,5 процента).

Однако слишком радоваться этому не стоит, поскольку низкая безработица обусловлена как раз низкой производительностью труда и практикуемыми повсеместно различными искусственными мерами поддержки занятости. При этом наблюдается дефицит высококвалифицированной рабочей силы. Подчеркну, что сохранение спроса на последнюю при имеющей место стагнации экономики также следствие низкой производительности труда. В свою очередь, отсутствие трудовой конкуренции дестимулирует повышение качества и производительности труда.

Как мне представляется, без решения этой психологически и социально сложной задачи мы всегда будем сталкиваться с отсутствием стимулов к повышению производительности труда, а без кардинального ее повышения, как уже я говорил, невозможна модернизация экономики. То есть — мы и дальше и все больше будем скатываться на обочину мировой экономики.

Другое дело, что капитальные решения в сфере повышения производительности труда не должны привести к социальным «неприятностям». В последнем случае реиндустриализация экономики, лишившись поддержки значительной части населения, которое может пострадать при резком росте безработицы, также станет проблематичной, поскольку благополучную и позитивно-результативную модернизацию экономики целесообразно ввести в условиях относительного социального благополучия в обществе.

Беседовал **Евгений Малинин**

г. Санкт-Петербург